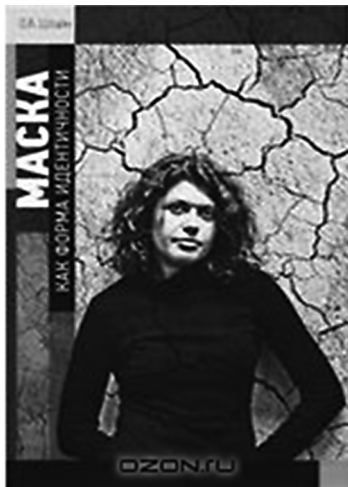

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. А. Штайн

МАСКА КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Copyright © 2012, О. А. Штайн

В ноябре 2012 г. увидела свет книга к. ф. н., доцента кафедры философии, Ученого секретаря Ученого совета Русской христианской гуманитарной академии Оксаны Александровны Штайн книга «Маска как форма идентичности» (Издательство Русской Христианской гуманитарной академии). Сам автор предложил критику, которая вышла о книге и достойна вашего внимания для того, чтобы решить: «Читать или не читать».

От Издательства РХГА: «В книге петербургского философа Оксаны Штайн “Маска как форма идентичности” поднимаются острейшие вопросы современной философии и психологии, ведь маска — это не только то, что мы видим на лицах участников древних обрядов, она как особый образ присутствует в самых разных формах в коммуникативных отношениях, где делаются проблемой отношения “своих-чужих”, “веры и неверия”, “захвата и защиты”, “близости и дали”. Как и в древности, маска располагается на границе тайны и яви, скрытого и открытого. На современного человека, вовлеченного в процесс массовой коммуникации, обрушивается поток сменяющих друг друга образов, каждый из которых не только предъявляет, но и скрывает (маскирует) реальность. Книга будет интересна как профессиональным философам и психологам, студентам, аспирантам гуманитарных специальностей, так и самому широкому кругу читателей».

От круга читателей: критик Ольга Балла-Гертман на Радио Свобода // <http://www.svoboda.org/content/article/24892335.html>

«Смысловое предприятие, на которое отваживается петербургский философ Оксана Штайн, — весьма нетривиально. Она выводит маску далеко за пределы того предмета, который при соответствующем слове приходит на ум автоматически: личины, накладки на лицо, прикрывающей и подменяющей

его, с прорезями для глаз и рта, из ткани или кожи, папье-маше или дерева. Все это, говорит автор, глубоко вторично.

Автор уводит маску, собственно, за пределы предметности вообще и даже еще дальше — за пределы всех известных нам целей и ситуаций, с которыми и в которых та обыкновенно используется: церемониальных, эстетических, практических. Все эти цели и ситуации тоже — не более чем частные случаи, не говоря уж о таких устойчиво связываемых с маской (сегодняшним обыденным сознанием) смыслах, как “притворство”, “лицемерие” (то есть — ложь) или, скажем, “театр”, “карнавал” (то есть — игра и праздник). Штайн рассматривает “маску” как принцип.

Скорее даже как совокупность принципов, как — отважимся на тавтологию — принципообразующее начало. “Это, — пишет Штайн, — установление типики и топики на лице и теле человека”. Иными словами — предъявление стороннему взгляду схематически обозначенных координат, в которые “замаскированный” декларирует свою вписанность — и от которых он в то же самое время претендует отличаться. И, кстати, уже самым жестом маскировки намекает на это различие, удерживает его.

У маски-принципа, более того, есть собственная история, и она — как, по крайней мере, показывает нам автор, — вполне отчетливо раскладывается на этапы. И еще того более: через историю маски — именно как, опять же принципа, а не просто устройства, закрывающего лицо, — может быть рассмотрена история человека в целом. Точнее, история человечности, понятой как сложная система взаимодействий, взаимосопротивлений, взаимопроникновений между самостью и социальностью. Именно такую историю Штайн и выстраивает в первой главе своей книги.

Маска, чем бы та на очередном этапе становления человека ни оказывалась, неизменно работает при этих взаимодействиях как фильтр, как мембрана,

как — одновременно — и разделяющая, и соединяющая граница. Она — зеркало зеркал, в котором преломляются, отражаясь и фокусируясь, характерные для эпохи коммуникативные отношения. Это и наводит на мысль, что на каждом из таких этапов маска попросту неизбежна: она непременно, чуть ли не сама собой порождается из свойственного эпохе смыслового материала. У каждого из человеческих состояний, показывает автор, — свой тип маскировки, свои характерные способы скрываться, дистанцироваться от сторонних “прочитывающих” взглядов, которым маска и адресуется. “Суть маски, — формулирует в заключение Штайн, — в дистанцировании”. И если что-то на всех этапах истории в маске и неизменно, то именно это.

Таких человеческих состояний, этапов становления Штайн выделяет в состоявшейся до сих пор истории три: “архаика”, “Новое время” и “современность”. По всей видимости, автор полагает, что эти этапы универсальны (во всяком случае, обратное нигде не сказано), но выделяет она их — особенно последние два — практически исключительно на западном, евроамериканском культурном материале.

С архаикой — понятнее всего. Маска в архаических обществах была средством контакта с сакральным: “атрибутом ритуальных церемоний, повторяющих и воссоздающих мифологический опыт”, “героим визуального представления, связанного с тайной”. Она манифестировала себя, “обращаясь не просто к Другому, а к сакральным силам, закрывая индивида не просто от Другого, а от злых сил”. Человек в маске — с измененным лицом — “условно переходил границу между повседневым и трансцендентным”. Поэтому уже тогда маска была человекообразующим принципом, “одним из исторических инструментов преобразования непосредственного природного ранга человека в культурный”. И вот где точно у нее не было смыслов притворства и двоедушия, так это в архаике — хотя смыслы защиты, тоже устойчиво сопутствующие маске (и, по совести сказать, смыслам притворства не столь уж и чуждые), — были. Напротив того, “была искренняя вера и поток эмоциональных ощущений, которые испытывал первобытный человек, надевая маску в ходе ритуальных процессов”. Не говоря уж о том, что никакой — дорогой нашим современникам — самости и индивидуальности, отличной от предьявляемых извне требований и способной в них не вписаться, у архаического человека не было.

Смыслами притворства, отнюдь не присущими ей изначально, маска, значит, обзавелась лишь в (европейское) Новое время. (Тому, что с нею случилось между архаикой и Новым временем, — не досталось, увы, ни подробного рассмотрения, ни даже сколько-нибудь внятного упоминания.) Ее история в эту эпоху, пишет Штайн, — “это история манер в куртуазном обществе, где структурированные властные отношения между представителями разных сословий определяли характер социальной коммуникации без посредства социальных институтов,

легитимно определяющих статусные полномочия индивида. Религиозное мировосприятие и вассалитет являлись каркасом сословных отношений. Они и повлияли на трансформацию маски в вынужденную манеру поведения, не всегда совпадающую с личными предпочтениями”. Итак, отныне история маски сливается с историей условностей.

Эту линию развития маска продолжила — и, более того, углубила — и “в современном мире” (не хочется придирается, но все-таки очень недостает хоть сколько-нибудь четко проведенной хронологической границы, с которой начинается “современный” мир — и, соответственно, свойственное ему состояние маски-принципа). Сегодня она, полагает автор, — “трансформация визуальной экспрессивности через преобразование человеческой телесности”. Теперь маска “включает в себя и тело, и лицо”, поскольку изменяет их. Это — условности, проросшие внутрь и уводящие человека от — изначального и подлинного — самого себя. (Кроме всего прочего, маска обрела и свою виртуальную разновидность — аватарки, используемые для предьявления себя в сетевом общении, — и уж тут, конечно, по полной программе осуществляются смыслы притворства и неподлинности, “отсутствующего присутствия”). Вот как далеко мы уже оказались от ее первоначального облика — наклейки на лицо из какого бы то ни было осязаемого рулоу материала!

Самой своей многозначностью, насыщенностью смыслами маска как культурное явление должна, казалось бы, прямо-таки провоцировать на философское ее осмысление. Но увы. Если на отсутствие художественного внимания маске прямо-таки грех жаловаться, да и с культурологическим делом обстоят не так плохо (вспомним хотя бы переведенную и у нас книгу Клода Леви-Строса “Путь масок”, а из отечественных работ — статьи Вячеслава Вс. Иванова “Маска как элемент культуры”, Л. А. Софроновой “Маска как прием затрудненной идентификации” и вообще целую коллективную монографию “Маска и маскарад в русской культуре XVIII — XX веков”, вышедшую, правда, уже тринадцать лет назад; история же, скажем, венецианских масок и вовсе разработана подробнейшим образом) — то в философской обработке этого явления, по крайней мере на русском языке, Оксана Штайн, похоже, первопроходец, и довольно смелый.

Можно даже сказать, что она выращивает особый, не слишком освоенный доселе философской мыслью концепт “маски” — сопоставимый по значимости, по краеугольности, например, с концептами “границы”, “себя” / “своего” и “д (Д) ругого”, “внутреннего” и “внешнего”. Со всеми этими концептами он, безусловно, связан, а концепту “границы” прямо даже и родствен — но, несомненно, должен быть сочтен самостоятельным, отдельным. Да, маска, конечно, своего рода граница. Однако — граница особенная, в которой важна, во-первых, принципиальная соотношенность с лицом, во-вторых, напряженное взаимодействие — неразрывных и неслиянных — скрытия и обнаружения.

“Пожалуй, можно согласиться, — пишет Штайн в конце книги, — что история маски заканчивается с появлением ее в виде сувенира. Маска, обращающаяся к самой маске. Круг замыкается, но остается неизведанной сила, притягивающая приобретать, коллекционировать и хранить маски, с улыбкой поглядывая на улыбающуюся маску”.

Ну что опять за стремление финализировать историю, поставить в ней очередную окончательную точку (а суть истории, в свою очередь, усмотреть в постепенном вырождении — разумеется, фатальном — чего-нибудь существенного и человекообразующего). В выводах такого типа можно подозревать своего рода интеллектуальную инерцию. Если история чему и учит, так это тому, что она неизменно обманывает подобные ожидания. Раз уж маска — человекообразующий принцип (а именно это, мы помним, нам на протяжении всей книги вполне убедительно доказывалось), то можно быть уверенными: ничего она не заканчивается. Маскируемость — открывающее скрывание, выстраивание и удержание дистанций — принадлежит к самому существу человеческого, а значит, она еще найдет — или создаст — себе новые формы».

От студентов РХГА. Андрей Амосов. Маска как форма идентичности. Газета «Санкт-Петербург. Без формата» // sanktpeterburg.bezformata.ru/listnews/maska-kak-forma-identichnosti

«Маска — это не только театр, но и вся наша повседневность. На протяжении всего своего существования люди, часто не осознавая того, огромное место в культуре отводили различным способам коммуникации. Способы идентификации, маски, служат своеобразным “паспортом”, по которому люди, принадлежащие к той или иной социальной группе, узнают или могут узнать друг друга; маска как личность: надевая маску, человек отождествлял себя с этой маской в глазах окружающих; личность человека при помощи маски как бы дистанцируется от окружающих его людей.

7 ноября 2012 года, в 18.30, в актовом зале Русской христианской гуманитарной академии в рамках

деятельности “Открытого лектория РХГА” прошла презентация книги, выпущенной издательством РХГА: “Маска как форма идентичности”, автором которой является доцент кафедры философии РХГА, кандидат философских наук Оксана Александровна Штайн.

Перед началом презентации вступительное слово сказали доктор философских наук, профессор Дмитрий Викторович Шмонин и президент Санкт-Петербургского Центра религиоведческих исследований Владимир Александрович Егоров.

В своей книге О. А. Штайн представила “маску” не только в том смысле, который привычен для всех нас, а и как некий образ, символ, барьер, который стоит между нами и окружающим миром. Этот барьер служит защитой нашего внутреннего мира от вторжения извне. Мы защищаемся и одновременно происходит наша идентификация. Люди узнают нас по маске, идентифицируют нас с ней. Каждая маска как готовая модель поведения, которую мы принимаем, надевая на себя тот или иной образ. Оксана Александровна говорила о том, что социальные маски имеют очень глубокую историю; прообраз современной маски можно наблюдать в древней истории человека — маски времен архаики, которые одевали люди, отождествляя себя с тотемным животным, и различные украшения, татуировки, которые делали себе вожди. Маска исследовалась как в эстетическом, так и в своем антропологическом смысле.

Было много сказано о том, в каких аспектах можно рассматривать маску — маска как проекция. При аксиологическом подходе маску можно рассматривать как личину и разоблачение, конструкт сознания и необходимый феномен коммуникации в любую историческую эпоху.

Презентация сопровождалась показом слайдов. Книга “Маска, как форма идентичности” — редкий подарок для людей, которые интересуются данной тематикой».

Ну и в завершении технические характеристики книги: ISBN 978-5-88812-546-5; 2012 г., 158 стр., формат 60×84/16 (143×205 мм), тираж 1000 экземпляров.